

С.И.
Лазарева

характеризуется значительным

* Статья подготовлена при поддержке гранта ДВО РАЛ 06-111-А-443.

РОЛЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В МАНЬЧЖУРИИ*

Изучение миграционных процессов на Дальнем Востоке является одним из методов понимания сущности исторического развития России, места и роли русских в освоении и формировании смежных территорий. Расположенный в непосредственной близости с Китаем, Кореей и Японией Дальний Восток всегда был воротами пашей страны в АТР, тесно связанный с миграционными процессами на протяжении XIX—XX вв., являлся территорией интенсивных миграций, главной тенденцией которых во второй половине XIX в. стало постоянное прибывание переселенцев из различных регионов страны, вызванное необходимостью заселения и освоения отдаленного приграничного пространства, укрепления форпоста государства на крайнем юго-востоке России, а также вовлечения природных ресурсов региона в хозяйственный оборот страны. Таким способом государство пыталось ослабить демографическое давление в европейской части страны, откуда черпались миграционные ресурсы.

Основной миграцией в дореволюционный период была трудовая в виде крестьянских (сельскохозяйственных) и рабочих (промышленных) переселений. С 1917 г. появляется политическая эмиграция, которая

исходом русских в другие страны, что объясняется изменившимися политическими условиями после крушения Российской империи.

С середины 90-х гг. XIX в. наблюдается перемещение центра тяжести российской дальневосточной политики с пограничных вопросов и развивающихся торговых отношений в сторону экономического и политического проникновения в Китай, получения прав экстерриториальности и консульской юрисдикции, всевозможных концессий, а также льгот и привилегий для русских предпринимателей. По существу, таким же путем несколько раньше начали проникать в Китай западноевропейские страны, США и Япония. В конце XIX в. объектом колониальных притязаний Японии, Великобритании и США стали также Корея и Маньчжурия (Северо-Восточный Китай) — территории, непосредственно граничащие с Россией. Это, естественно, вызывало серьезное беспокойство российского правительства, тем более что дальневосточные владения империи были слабо связаны с центральной частью страны, экономически почти неразвиты и весьма уязвимы в военном отношении. В этой связи было необходимо для укрепления дальневосточных рубежей страны и российских позиций на Дальнем Востоке приступить к строительству железной дороги, соединявшей Центр с дальневосточными окраинами. В 1891 г. вопрос о строительстве такой дороги (Транссибирской магистрали), обсуждавшийся с начала 70-х гг. XIX в., был решен.

В конце 1895 г. министр финансов С. Ю. Витте организовал Русско-Китайский банк с целью добиться согласия Пекина на проведение Сибирской дороги через Маньчжурию к Владивостоку. Получение Россией железнодорожной концессии должно было превратить Северо-Восточный Китай в зону русского влияния и значительно усилить российские экономические и политические позиции.

Российско-китайские переговоры привели к заключению в Москве 22 мая 1896 г. секретного договора о союзе и строительстве КВЖД¹. Со второй половины XIX в. началась массо-

вая трудовая эмиграция, насчитывавшая миллионы человек. Так, по данным пограничной регистрации, в 1898 г. за границу из России выбыло 175 796 российских подданных, а возвратилось — 136 354, т.е. на 39 442 чел. меньше. Это была долговременная тенденция. Например, за пятилетие (1892—1896 гг.), перевес выбывших россиян над возвратившимися достигал в среднем 34 559 чел.² Северо-Восточная часть Китая в этническом и экономическом отношении была неоднородна, заселялась главным образом китайцами, которые в течение нескольких столетий колонизировали земледельческие районы Маньчжурии и осели как в сельских местностях, так в городах.

Огромный размах железнодорожного строительства на территории малозаселенной Маньчжурии требовал привлечения не только технико-материальных, но и прежде всего людских ресурсов. Первыми посланцами России были необходимые для строительства и обслуживания КВЖД контрактные рабочие и служащие (со своими семьями). Масштабное строительство повлекло за собой возведение дополнительных предприятий и учреждений, поэтому вслед за железнодорожными работниками потянулись представители других профессий, которые несли в Китай передовые методы труда, свои традиции и культуру. В составе поселенцев были представители всех слоев российского общества: классные специалисты, заводчики, предприниматели, коммерсанты и ученые, хотя основную массу переселенцев составляли железнодорожники. Их при-

влекали разработанные российским правительством льготы и различные поощрения для работающих на КВЖД.

По итогам первой однодневной переписи, проведенной 15 мая 1903 г. в г. Харбине (без его пригорода Фуцзя-дянь), насчитывалось 44 576 российских граждан, из них мужчин — 38 983 и женщин — 5 593; среди них русскоподданных — 15 579 чел.³ В 1910 г. только в четырех районах Харбина проживало русскоподданных 31 269 чел., из них мужчин — 14 236 чел., женщин — 9 682 чел., детей — 7 156 чел.⁴ 24 февраля 1913 г. вновь проведенная однодневная перепись

населения г. Харбина и его пригородов показала: мужского населения стало 48 153 чел., женского—19 947 чел.⁵

К началу Первой мировой войны в Харбине проживало 43 500 чел.⁶ русского населения, немалая часть его поселилась в других пунктах полосы отчуждения КВЖД. Наиболее населенными были станции Хайлар, Маньчжурия, Ханьдаохэзы и др., где численность русского населения составляла от 1 до 6 тыс. чел. В последующие годы рост населения по линии КВЖД продолжался. Например, на ст. Ханьдаохэцы в 1917 г. насчитывалось 2 652 русскоподданных, а в 1927 г., по данным местной полиции, уже 4 535 чел., из них женщин —983, муж* чин — 1 552 и 2 000 детей моложе 15 лет⁷.

Уже на первом этапе трудовой эмиграции Дальний Восток стал территорией этнокультурных контактов Востока и Запада: при общении с представителями восточной цивилизации российские граждане передавали им некоторые элементы хозяйственной жизни. С 1917 г. зона активных российско-китайских контактов приобретает новые очертания: кроме южных районов российского Дальнего Востока она включила в себя полосу Маньчжурии со стороны Китая. Это расширение имело новое качественное значение, поскольку на китайской территории внутри иной цивилизационной среды образовался очаг российской культуры со многими ее атрибутами. Многочисленная диаспора своим социальным, демографическим и этническим составом отражала структуру российского общества, которая включала такие институты, как административное управление, политическими экономические системы и образование. Можно утверждать, что появились условия для дальнейшего тесного взаимодействия двух цивилизаций,

Беженцы 1917—1922 гг. селились в основном в полосе отчуждения КВЖД, где удельный вес русского населения среди местных жителей был довольно высок с дореволюционного времени. Отсутствие национализма,

расовой дискриминации являлось немаловажным фактором закрепления российских граждан. Харбин, построенный руками русских, стал центром российской диаспоры в Маньчжурии и продолжал жить тра-

дициями дореволюционной России, оставаясь русским городом на маньчжурской земле. Это намного облегчало процесс адаптации беженцев к новой среде.

дициями дореволюционной России, оставаясь русским городом на маньчжурской земле. Это намного облегчало процесс адаптации беженцев к новой среде.

Поданным Русского общества в Маньчжурии и Монголии число русских с 1912 по 1917 г. в Китае несколько превышало 50 тыс. чел. * В начале 20-х гг. численность эмигрантов в Китае достигла своего пика и, по мнению большинства исследователей, составила не менее четверти млн. чел.

Увеличение числа русских эмигрантов в Китае в этот период было связано с политическими событиями в России (Октябрьская революция 1917 г.. Гражданская война и иностранная интервенция), по декретам от 23 сентября и 30 октября 1920г. русские были лишены права экстерриториальности в Китае и стали подчиняться китайской администрации⁹. Российские подданные, обосновавшиеся в Маньчжурии, оказались в разряде эмигрантов: 1917—1923 гг. стали периодом образования и роста российской диаспоры в дальневосточном зарубежье. К 1930 г. на постоянное местожительство в Маньчжурии осело около 1 10 тыс. чел.¹⁰ Таким образом, русская колония в Маньчжурии сформировалась в три этапа и включала: старожилов, прибывших и осевших в Маньчжурии до Октября 1917 г.; эмигрантов— участников белого движения и солидарных с ними, включая семьи ушедших в Китай в 1917—1922 гг.; российских граждан, прибывших из СССР после 1922 г

Основная масса беженцев поселилась в Харбине, где в 1929г. проживало 160 723 чел. (35772 семьи): мужчин — 100222, женщин — 60 501, т.е. на 100 мужчин приходилось 60 женщин; одна семья — 4,4 чел. Статистика 1929 г. позволяет судить о семейном положении русских эмигрантов в г. Харбине: 30 362 чел. составляли 8 156 семей (в среднем 3,7 чел. на одну семью). А 26 812 советских подданных составляли 6 544 семьи, или 4 чел. на одну семью".

В 1930 г. в Китае насчитывалось 125 тыс. россиян, из

них 1 10 тыс. проживали в Маньчжурии и лишь 15тыс. — в других районах страны. Из ПО тыс. чел. приблизительно 50 тыс. были подданными СССР, а остальные — эмигрантами.
География

их расселения на территории Маньчжурии выглядела следующим образом: Харбин и ОРВП — 45 тыс. чел., Трехречья и Барга — 6 тыс., Сахалин и Приамурье — 500 чел., Мукден — 2 тыс. чел., Дайрен — 200 чел., Ипкоу, Фушунь — 200 чел., концессии и провинции — 6 тыс. чел.¹² По данным «Коммерческого Харбина», в 1931 — 1932 гг. в Харбине проживали 30 044 русских эмигранта, 26 633 советских граждан, 6 793 км тайских подданных русского происхождения¹³. К 1943 г. количество русских эмигрантов в Маньчжурии сократилось /ю 70 тыс. чел., из них 40 тыс. оставались в г Харбине и его окрестностях, а 30 тыс. чел. — в других городах Маньчжурии и в полосе КВЖД⁴. В целом к 40-м гг. XX в. миграционная активность россиян в Маньчжурии заметно снизилась, но возросла доля русского населения за счет родившихся здесь.

Важно отметить, что русские эмигранты в Китае и Маньчжурии смогли сохранить свой родной язык, русские национальные обычаи и традиции, культуру быта и труда, способствовали модернизации образования в Китае, созданию такой системы образования, которая удовлетворяла практические запросы и духовные потребности не только русского, но и китайского населения. Она включала в себя общеобразовательные, школы, гимназии, коммерческие училища, высшие учебные заведения. Характерно, что в учебных заведениях практиковался билингвизм (преподавание на русском и китайском языках), смешанное образование. Таким образом, российская эмиграция сумела создать тщательно продуманную систему образования, включающую в себя все ступени — от начальных, церковноприходских школ до университет¹⁴, которая успешно функционировала и в 30-е годы. Она имела заметные результаты в отличие от европейских стран, где в связи с потерей надежды на скорое возвращение в Россию русская школа пришла в упадок. К концу 1929 г. в странах Европы имелось лишь 37 русских средних школ, где обучались 5 401 чел.¹⁵ Харбин занимал высшую ступень по сравнению с зарубежными центрами русского расселения. Этому способствовали особые механизмы сохранения «русскоеTM» и адан-

гации российских эмигрантов к местным условиям в Харбине и полосе отчуждения КВЖД, которые складывались исторически на протяжении многих лет.

В ходе столкновения в Маньчжурии двух цивилизаций — Востока и Запада — во всех сферах повседневной жизни не произошло ни ассимиляционных, ни аккультурационных процессов среди русского населения. В окружении «чуждой» им культуры русские создали свою диаспору, сохранили национальное самосознание, что способствовало возникновению развитой системы образования. Русская школа выступала п роли не только хранительницы национальных ценностей, но и передавала молодому поколению, в том числе и китайцам, большую часть своих достижений, традиций и культурного наследия. База русского школьного образования была заложена до 1917 г., и сложившаяся в Маньчжурии в дореволюционный период школьная система соответствовала ей.

Школьное образование в полосе отчуждения КВЖД сохранилось на средства управления дороги и от частной инициативы. Первая русская школа открылась в 1898 г. в Старом Харбине. Возглавил ее педагог И.С.Степанов, учителем была Г.Н.Павлевская. Наследующий год в районе Сунгарийского моста открылась Первая сунгарийская школа, в 1901 г. — Вторая. Школы появились сначала в административном городе Харбине, затем вдоль железной дороги, в поселках и на крупных станциях. За 10-летний период (1899—1919 гг.), открылись школы для детей на станциях Пограничной, Имяньпо, Бухэду, Мулин и в других населенных пунктах. Несмотря на тяжелое положение в годы русско-японской войны, обучение детей продолжалось: школы появились на станциях Маньчжурия, Хайлар, Цицикар, Чжаланьтунь¹⁶. Они содержались на средства управления КВЖД, и преимущество при приеме отдавалось детям, чьи родители работали на железной дороге. Рост населения в полосе отчуждения за счет свободных поселенцев, не имевших отношения к деятельности железной дороги, вызывал насущную потребность п создании частных школ, гимназий и других учебных заведений.

Так, наряду с железнодорожными школами стали появляться частные учебные заведения. В 1903 г. открылась первая 4-классная гимназия М.С. Генерозовой, которая в 1906 г. перешла в ведение Министерства народного просвещения (МНП), но существовала за счет самоокупаемости; в 1906 г. — гимназия М.А. Оксаковской, в 1907—1908 гг. — училища Бернштам и Пансошник, Богданова, Горелкина, Брагина¹⁷, в 1909 г. — две мужские гимназии — ВЛ. Андерса и Рофаста (Дризуля) и Г.Н. Потанина.

Для организации школьного процесса в 1906 г. был образован учебный отдел, которым в течение 20 лет руководил выдающийся русский педагог и администратор Н.В. Борзов. Созданное в 1906 г. Харбинское общественное управление (ХОУ) взяло на себя содержание всех школ, где обучались дети, не служивших на дороге родителей. Расходы ХОУ на учебную часть составляли 16% от всего городского бюджета и постоянно росли¹⁸. В 1910 г. ХОУ получило полную самостоятельность в содержании своих школ, а, содержащиеся на средства железной дороги и частные школы, отошли под руководство учебного отдела КВЖД.

За 10 лет (1898—1908 гг.) в полосе отчуждения КВЖД вдоль линии дороги появилось 18 начальных школ с 50 преподавателями и 1 825 учащимися. К 1917 г. в Маньчжурии работали 22 железнодорожные школы, в том числе 10 — одноклассных с 3-годовалным курсом обучения и 12 — двухклассных с 5-годовалным обучением. Всего к 1917 г. действовало около 50 начальных школ (в основном двухклассных), мужское и женское коммерческие училища, трехклассная торговая школа и технические классы при Харбинских железнодорожных мастерских, а также две частные женские гимназии, частное мужское учебное заведение 1-го разряда, 5 начальных школ и школа-приют для детей офицеров и нижних чинов пограничной сфажи Заамурского округа, одно высшее начальное училище, содержащееся на средства ХОУ. Во всех учебных заведениях действовали программы МНП, кроме торговой школы и коммерческих училищ, в которых обучались по программам Министерства торговли и промышленности.

В русские школы принимались и китайские дети. Так, в 1903 г. в Харбине была открыта Образцовая русско-китайская школа, в которой занимались 20 китайских мальчиков. В Цицикаре работала русская школа для китайцев (учитель И.Е. Шафиров), в ней учились 35 китайских детей¹⁹. При Харбинских железнодорожных мастерских были созданы вечерние курсы, где учились русские и китайские подростки, приобретая одновременно и специальность. Однако таких школ в Маньчжурии в тот период было немного.

Подготовка будущих кадров для КВЖД, воспитание и обучение русских и китайцев в духе взаимной солидарности стало одной из важных забот администрации КВЖД. Учебные заведения, где обучались китайские дети, строились и содержались за счет средств дороги. По окончании среднего учебного заведения китайские подростки могли продолжить учебу как в России, так и в местных учебных заведениях. Например, в 1906—1907 гг. из русско-китайской начальной школы четверо учеников-китайцев поступили в Харбинское коммерческое училище. Их содержание взяло на себя Харбинское благотворительное общество. Однако из-за финансовых затруднений осенью 1907 г. им было отказано в оплате за обучение из-за убыточности содержания²¹.

Практика совместного обучения русских и китайских детей продолжалась и в советское время на платной основе. Стоимость содержания одного русского ученика в школе 1-й ступени в 1926 г. составляла 69,9 руб., а китайского — 77,5 руб., в школе 2-й ступени соответственно 137,7 руб. и 272,3 руб.²¹ Разница в оплате объяснялась тем, что китайские учебники и материалы обходились дороже, чем русские. С переходом КВЖД в совместное управление стало заметно увеличение количества школ для детей служащих и рабочих китайской национальности. Так, в конце 30-х гг. функционировали 16 городских и линейных школ, среднее учебное заведение, училище Пу Юй и специализированное училище под названием «Юбилейное техническое училище имени первого председателя правления дороги Сюй Цзинчена», а также две частные

школы, расположенные на Чжалайнорских копиях в Чжаланьтуне. Всего в них насчитывалось до 2 тыс. учащихся. Эти учебные заведения получали ежемесячную субсидию от управления дороги.

Школы, расположенные вдоль линии железной дороги, были в основном 1-й ступени. При училище Пу Юй имелись детский сад, классы низшей начальной школы, классы высшей начального училища и гимназический класс 1-й ступени. В специализированном училище Сюя в первые 3 года изучали общеобразовательные предметы, а в последующие 3 года приобретали специальность. Управление железной дороги не ограничивало прием в школы китайских детей: в них могли обучаться дети не только служащих КВЖД, но и частных лиц китайского происхождения. Они составляли 24,3% от общего количества учащихся, в то время как в русских железнодорожных школах число детей частных лиц — 12,7%²². В целом нужда в начальном образовании для детей служащих дороги китайской национальности была удовлетворена.

Таким образом, русские школы, созданные 20—30-е гг.

в полосе отчуждения КВЖД и Харбине, сыграли большую роль в образовании как русских, так и китайских детей. Возможность изучения языка другой страны, ежедневное общение учеников разных **национальностей** способствовали дружбе и взаимопониманию.

*

Харбин стал одним из культурных центров российской эмиграции. В начале 20-х гг. популярными были школы КВЖД, мужское и женское училище КВЖД, гимназии М.С. Генерозовой, Я. В. Дризуль, им.Ф. Достоевского, Христианского Союза молодых людей (ХСМЛ), учебные заведения М.А. Оксаковской и др. Их задачей в условиях эмиграции было «...дать детям русских беженцев образование и воспитание в истинно-национальном и патриотическом духе на православных началах... сохранить русских детей для будущей России»²³. Гимназии и за рубежом оставались русской школой, которая, по существу, становилась единственной, кроме

семьи, возможностью сохранения родной культуры. Местные

власти настаивали на изучении русскими детьми языка, литературы, истории, географии приютившей их страны. Понимая объективность и гуманность этого требования и принимая его, русские средние учебные заведения не отказывались от благородной цели—сохранять национальный характер и свою школу.

власти настаивали на изучении русскими детьми языка, литературы, истории, географии приютившей их страны. Понимая объективность и гуманность этого требования и принимая его, русские средние учебные заведения не отказывались от благородной цели—сохранять национальный характер и свою школу.

Иные задачи решали вузы, которые стали создаваться и Маньчжурии русскими эмигрантами. В 1920 г. был открыт русско-китайский техникум, преобразованный в 1922 г. в политехнический институт и ставший со временем самым популярным высшим учебным заведением Харбина. Открытый благодаря усилиям русских инженеров, администрации КВЖД, Харбинского биржевого комитета, а также участию частных лиц, финансировавших проект, он управлялся особым коллективным органом (правлением), в состав которого входили ученые, инженеры, представители местной власти: В.Ф.Ковальский, С.Ц.Оффенберг, П.С.Тищенко, А.Х. Калина и др. Первым его директором был А.А. Щелков²⁴. Десятилетний юбилей института в 1930 г. широко отмечали студенты и общественность Харбина. В институте уже работали 17 кафедр и 4 доцентуры, обучались 902 студента²⁵.

Кроме политехнического института в Харбине в 30-е п. функционировало 5 вузов, где обучалось более 1 600 русских студентов. Поэтому количеству обучавшихся русских Харбин уступал только Парижу, где в 1928 г. насчитывалось 2 385 русских студентов-эмигрантов²⁶.

В 1920 г. русские профессора основали Харбинский юридический факультет с тремя отделениями: юридическим, экономическим и ориентальным, где работали 34 русских преподавателя-эмигранта²⁷.

В 1920г. был создан и педагогический институт, в 1929 г. переданный китайцам. Среди окончивших этот институт были О.М. Макарова, Л.М. Добржанская, К.М.

Имшеницкая, которые посвятили свою жизнь педагогической деятельности, формировали у учеников национальное самосознание, любовь к родине, чувство прекрасного.

В 1925 г. открылся Институт ориентальных и коммерческих наук, его выпускницей была Милица Борисовна Карпова, поступившая в институт после окончания в 1926 г гимназии М.А.Оксаковской. Она в числе первых выпускников стала кандидатом экономических наук²⁸.

Популярностью среди русских студентов-эмигрантов пользовались Северо-Маньчжурский университет, где наряду с русскими обучались китайцы, а также Институт иностранных языков. Эти высшие учебные заведения оставили глубокий след в воспитании и образовании не только русских, но и китайских студентов.

К началу 30-х гг. в Маньчжурии насчитывалось 74 русских учебных заведения, не считая вузов, специальных школ и кратковременных курсов. Из них в Харбине—43, налпни КВЖД —31 учебное заведение (в 1923 г. эти учебные заведения дали образование 6 тыс.русских, то уже в 1931 г, —IX тыс., т.е. их число увеличилось в 3 раза)²⁹. Из 43 учебных заведений Харбина 13 были средними, наиболее известные из них—гимназии М.С. Генерозовой, Я.А. Дризуль.

Не менее престижной и известной оставалась гимназия М.А.Оксаковской. Это учебное заведение закончили дочери генерала Д.Л. Хорвата, заведующего земельным отделом М.К. Кошкарова, Н.Л. Гондатти и многих других российских и китайских сановников. В 1931/32 учеб. году в женской гимназии получали образование 172 ученицы, среди них 8К — эмигрантки, 41—подданные СССР, 27 — китайские подданные русского происхождения, 6 китаянок и 10 учениц других национальностей. После смерти М.А.Оксаковской (1935г.) учебные учреждения возглавил ее сын Ф.Е.Оксаковский, продолживший лучшие традиции русского образования.

К 1930г. крупным заведением Харбина стала гимназия ХСМЛ (Харбинский союз молодых людей), где в 10-х классах на двух отделениях (реальном и общеобразовательном) обучалось свыше 300 подростков, около 40 из них — бесплатно. Сохранив в своей работе основу старой русской

школы, эта гимназия брала на вооружение новое и прогрессивное, что по-

могало ее питомцам выжить в суровых условиях эмиграции: дополнительно стали преподавать английский, китайский языки, а также ряд практических предметов, включая машинопись и делопроизводство. Хорошо поставленная учебно-воспитательная работа развивала способности учащихся, знакомила с жизненными установками и ценностями других стран. Особенностью русского образования в Харбине стало ре-гионоведческое направление: во всех гимназиях кроме английского учили китайский и японский языки, вводились такие дисциплины, как востоковедение, торговля стран Востока, география Восточной Азии. Русская школа постоянно перестраивалась в соответствии с требованиями современности, вносила дополнения в свои программы с учетом местных особенностей, стремилась дать детям основы политического образования, познакомить их с главными процессами современности, раскрывая при этом основные понятия государственного управления, политической экономии, социологии, пыталась объяснить причины возникновения большевизма, его разрушительную деятельность и последствия.

могало ее питомцам выжить в суровых условиях эмиграции: дополнительно стали преподавать английский, китайский языки, а также ряд практических предметов, включая машинопись и делопроизводство. Хорошо поставленная учебно-воспитательная работа развивала способности учащихся, знакомила с жизненными установками и ценностями других стран. Особенностью русского образования в Харбине стало ре-гионоведческое направление: во всех гимназиях кроме английского учили китайский и японский языки, вводились такие дисциплины, как востоковедение, торговля стран Востока, география Восточной Азии. Русская школа постоянно перестраивалась в соответствии с требованиями современности, вносила дополнения в свои программы с учетом местных особенностей, стремилась дать детям основы политического образования, познакомить их с главными процессами современности, раскрывая при этом основные понятия государственного управления, политической экономии, социологии, пыталась объяснить причины

возникновения большевизма, его разрушительную деятельность и последствия.

Если в системе образования СССР в 30—40-е гг. основные направления гуманитарных знаний составляли материализм, атеизм, интернационализм, диалектика, то в русской школе Маньчжурии — идеи служения делу возрождения свободной России, патриотических традиций русского народа, православия. Успешное решение поставленных задач в эмиграции во многом определялось уровнем образования и педагогическим стажем учителей. Преподавательский состав в средних учебных заведениях в 30-е гг. имел высшее и среднее образование (в 1922 г. — 24 чел., в 1925 г. — 46 чел.)¹⁰, хотя еще в 20-е годы некоторые преподаватели имели незаконченное среднее образование. С 1922 по 1930 г. значительно возросло число учителей, имевших стаж работы от 11 до 15 лет и от 16 до 20 лет: если таковых в 1920 г. было 39 и 30 чел., то в 1930 уже 95 и 62 чел.¹¹, рост составил соответственно в 2,4 и 2,06 раза.

К 1930 г. основу педагогического коллектива составляли учителя в возрасте от 31 до 40 лет, имевшие специальное

образование, стаж и жизненный опыт. Коллективы 144 учителей стали пополняться представителями нового поколения русских эмигрантов в возрасте 20 и более лет, получивших образование в Маньчжурии. Они стремились внести в процесс обучения и воспитания достижения педагогической мысли, новые методы преподавания, что явилось фактором, оказавшим положительное влияние на качество образования и воспитания.

В 30-е гг. большое влияние на развитие русского образования стал оказывать политический фактор. В 1931 г. Япония оккупировала Маньчжурию, что привело к существенным изменениям в системе образования. Она подверглась последовательной японизации: этот процесс начался в 20-х гг. на территории Квантунской области и в зоне отчуждения КВЖД и продолжался в 30-е годы.

Для подготовки новых учебников и учебных пособий с марта 1932 г. в Маньчжурию стали прибывать японские методисты и другие специалисты в области образования. 1 декабря 1940 г. была учреждена комиссия Министерства народного благосостояния (МНБ) (с отделением в Харбине), в состав которой вошли 16 чел.; представители МНБ, местных органов, а также российской эмиграции. Русский сектор по составлению учебников возглавили известные российские ученые — профессора Н.И. Никифоров и Г. Г. Авенариус². Содержание новых учебников и пособий строилось таким образом, чтобы давать японскую интерпретацию внутренним и международным событиям, воспитывать у учащихся лояльное отношение к японскому режиму и стремление к сотрудничеству с этой страной. С учетом этих требований МНБ разработало «Основные положения воспитания и образования русских эмигрантов», которые подчеркивали, что учебно-воспитательный процесс должен строиться на антикоммунистических идеях и проводиться на русском языке. При этом особо оговаривалось, что религиозные, национальные обычаи, составляющие особенности русских эмигрантов, должны проводиться в школах таким образом, чтобы не отрывать детей от основных занятий. Особый упор делался на расширение практических знаний³³. В ка-

честве обязательного предмета вводился японский язык как «...путь к изучению истории, культуры, духа японского народа, как ведущей на Востоке нации, связывающего звена между народами Маньчжоу-Го»³⁴.

В 1935 г. открылось 280 школ, обучение в которых на японском языке должны были проходить все лица в возрасте от 15 до 35 лет³⁵. Образование в средней русской школе продолжали получать дети разных категорий населения Харбина. Так, в гимназии педагогического института, входившей с 1935 г. в ведение Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ), и в 1936 г. обучались дети рабочих (36 чел.), железнодорожников (33 чел.), торговцев (21 чел.), педагогов (14 чел.), ремесленников (11 чел.), государственных служащих (6 чел.), медицинских работников (5 чел.) и др. Значительное число (53 чел.) составляли дети **безработных**³⁶.

В 1937 г. и связи с проведением правительственной реформы народного образования все учебные заведения, в том числе эмигрантские, переводились на единые учебные программы и централизованное управление. Реформа должна была помочь японским властям сформировать у молодого поколения русских прояпонские убеждения, чтобы обеспечить сохранение политического и экономического господства Японии в Маньчжурии. Все эмигрантские школы перестраивались на трехступенчатую основу: первая ступень — начальные школы, вторая — повышенные народные школы, третья — высшие народные школы с длительностью обучения 4,2 и 4 года. Реформа 1937 г. не только видоизменила внешний облик школ, но и перестроила содержание обучения в них.

В результате школьной реформы несколько средних учебных заведений Харбина прекратили свое существование: старейшая женская гимназия М.А. Оксаковской, гимназия Я.А. Друзель, 1-е реальное училище и др. В то же время было открыто несколько средних учебных заведений, одни из которых относились к категории высших народных школ, другие — к школам специального типа. К числу учебных заведений типа высших народных школ, существовавших в Харбине, следует

I

отнести Духовную семинарию, имевшую четыре основных и два дополнительных подготовительных класса, 1-ю Харбинскую школу языкознания, Институт и гимназию ХСМЛ. Это были частные школы. Распоряжением правительственных органов с 1944 г. 1-й класс был закрыт, они стали работать в составе трех классов: 2-го, 3-го и 4-го.

В эти годы создавались профессиональные школы, чтобы дать практические знания, необходимые в сложившейся обстановке. Так, в 1937 г. в Харбине открылась профессиональная школа для девочек от 12 до 16 лет, закончивших городские начальные училища или перешедших во второй класс средних школ. Программа её соответствовала обучению в русских прогимназиях, обязательными предметами являлись японский язык, домоводство, кулинария, шитье, кустарное ремесло, оказание первой медицинской помощи. В 1938 г. в городе была основана профессиональная женская школа с 3-годовалым курсом обучения. Кроме общего образования изучалось конторское дело и все виды женского рукоделия.

Несмотря на тяжелые материальные условия, в 30—40-е гг. русские учебные заведения продолжали существовать, хотя и в реформированном виде при финансовой помощи со стороны БРЭМа и Комитета содействия учащимся. К началу 40-х гг. для русскоязычного населения Маньчжурии имелось достаточное количество народных и повышенных народных школ. В 1944—1945 гг. в Маньчжурии насчитывалось 12 средних учебных заведений, 7 из них находились в Харбине.

В 1937 г. среднюю школу закончили 340 чел., в 1941 г. уже 357, в том числе женскую гимназию и высшую народную школу—62 чел., женскую профессиональную школу—19 чел., повышенные народные школы—249 чел., в народных школах получили обучение 339 чел.³⁷ Национальные ценности образования были безоговорочно признаны приоритетными даже в период, когда русская школа оказалась в самых неблагоприятных условиях. Главными в обучении оставались гуманитарные предметы, так называемая «Росснка»—язык, литература, история, география. Особая роль в нравственном воспитании

детей отводилась Закону Божию, который пронизывал всю атмосферу школы, знакомил детей с нравственными правилами, объясняя факты и явления обыденной жизни. Обучение русскому языку не ограничивалось формированием навыков практического владения родным языком, а обеспечивало знание его законов и истории.

детей отводилась Закону Божию, который пронизывал всю атмосферу школы, знакомил детей с нравственными правилами, объясняя факты и явления обыденной жизни. Обучение русскому языку не ограничивалось формированием навыков практического владения родным языком, а обеспечивало знание его законов и истории.

Национальное воспитание проводилось на таких предметах, как хоровое пение, танцы, рисование. В то же время пребывание в чужой стране обязывало изучать литературу, историю, географию Китая, Японии и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона, так как жить и работать воспитанникам предстояло в приютившей их стране. Старшему поколению эмигрантов **потребовалась** большая **изобретательность**, чтобы в сложных условиях эмиграции найти формы воспитания и образования, гармонично соединявшие в себе общечеловеческие и национальные ценности, возвышенное отношение к Отечеству и своему пароду.

-О-

¹ См.: Русско-китайские отношения, 1689—1916. Официальные документы. М., 1958. С.70-72.

² Российская эмиграция вчера, сегодня, завтра // Кентавр. 1994. № 5. С. 29,

¹ Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991. С. 139—140.

⁴ РГИЛ ДВ. Ф. 702, он. 2, д. 262 а, л. 1.

⁵ ГАХК. Ф. 831, он. 2, д. 40, л. 129.

⁶ РГИЛ ДВ. Ф. 702, он. 2, д. 262 а, л. 1,

⁷ Вестник Маньчжурии. 1927. № 1. С.44.

⁸ ГЛХК. Ф. 830, оп. 1, д. 218, л. 3; ф. 849, он. I, д. 23, л. 2.

⁹ Справочник по Северной Маньчжурии и КВЖД. Изд-во Эк. бюро КВЖД. 1927. С. 39.

¹⁰ ГАХК. Ф. 849, оп. 1, д. 23, л. 2.

¹¹ Там же. Ф. 830, оп. 1, д. 218, л. 8.

¹² Там же. Л. 7, 8.

¹³ Коммерческий Харбин. 1931-1932. Харбин, 1932. С. 18-19.

¹⁴ ГАХК. Ф. 849, оп. 1, д. 2, л. 2, 3, 16, 20.

- ¹¹ Руднев Р.В. Судьбы эмигрантской школы // Хрестоматии. Педагогика российского зарубежья. М., 1996. С. 360. ¹⁶ГАХК. Ф. 831, оп. 2, д. 42, л.44.
- ¹⁷ Там же. Л. 20, 35.
- ¹⁸ Там же. Л. 95.
- ¹⁹ Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая... С. 158.
- ²⁰ РГИАДВ. Ф.323, он. I, д.684, д.29.
- ²¹ Кузнецов В.С. КВЖД и развитие Маньчжурии // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 4. С. 199.
- ²² Филипович К. Советские и китайские школы на КВЖД// Вестник Маньчжурии. 1926. № 5. С. 32.
- ³³ Кондратьева М.А. Русская гимназия в условиях эмиграции: основные ценности **образования** (20-е гг. XX в.) // Российское зарубежье: **образование**, педагогика, культура. Саранск, 1998. С. 79.
- ²⁴ Печерица В.Ф. Восточная ветвь русской эмиграции. Владивосток, 1994. С. 125.
- ²⁵ Там же. С. 125-126.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ ГЛХК. Ф. 1128, он. 1, д. 129, л.60, 75, 78.
- ²⁸ Там же. Л. 75-78.
- ²⁹ Там же. Д. 111, л. IX.
- ³⁰ Там же. Ф. 831, он. 2, д. 32, л. 14, 15,67.
- ³¹ Там же. Л. 16, 17.
- ³² Голос эмигрантов. Харбин. 1941. 9 февр.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Учебная программа народных и повышенных школ. Харбин, 1943. С. 7.
- ³⁵ История **Северо-Восточного** Китая, Кн. 2. Владивосток, 1989. С. 148,
- ³⁶ ГАХК. Ф. 831, оп. 2, д. 17, л. 91 -93.
- ³⁷ Там же. Д.32, л.18-19.